

бы она не могла ни с кем разговаривать. Но воспитательница ее осталась при ней, и через нее Роландина сообщила своему мужу о том, что произошло и что она собирается делать. Бастард считал, что услуги, которые он некогда оказал королю, могут ему теперь помочь в его деле, и немедленно отправился ко двору. Встретив короля на прогулке, он рассказал ему все и стал умолять, чтобы он помог ему: успокоил королеву и сделал так, чтобы его брак с Роландиной вступил в законную силу. Король ничего ему не ответил и только спросил:

– А вы с ней действительно поженились?

– Да, государь, – ответил бастард, – покамест еще мы только дали друг другу клятву, но, с вашего соизволения, мы исполним все остальное.

Король опустил голову и, не говоря ни слова, направился прямо в замок. Там он призвал капитана стражи и приказал ему арестовать несчастного. Но один из друзей бастарда, догадавшись о намерениях короля, вовремя предупредил своего друга о грозящей опасности, посоветовав ему укрыться у него в доме неподалеку от замка. Он обещал бастарду, что, если король станет его разыскивать, он немедленно ему об этом сообщит и даст ему возможность покинуть пределы страны, если же все успокоится, то пошлет за ним, чтобы вернуть его ко двору. Бастард поверил ему и так ловко спрятался, что начальнику стражи не удалось его разыскать.

Король и королева никак не могли решить, что им делать с девушкой, которой выпала на долю честь быть их родственницей. Наконец, по совету королевы, было решено отправить ее к отцу и рассказать тому обо всем, что произошло. Но прежде чем отправлять ее туда, к ней послали нескольких священников и членов Государственного совета. Те и другие уверяли Роландину, что брак, в который она вступила, ничем не связывает ее, что она и ее возлюбленный вправе нарушить данную друг другу клятву. Ее уговаривали расторгнуть этот союз и расстаться с бастардом, как того хочет король, дабы честь ее дома ничем не была запятнана. Она ответила, что во всем готова слушаться короля, но никогда не пойдет против совести и что тех, кого соединил господь, люди разъединить не вольны. И она попросила их не искушать ее так безрассудно, ибо любовь и добрая воля, которая зиждется на страхе божьем, и есть истинные узы любви, а узы эти так крепко привязывают ее к любимому человеку, что и огонь, и вода, и железо перед ними бессильны. Порвать их может только смерть, и только ей одной позволено взять обратно и кольцо и клятву. Она просила их больше не обращаться к ней с такими речами.

И в решении своем она была так тверда, что согласна была скорее умереть, лишь бы не нарушить свое обещание. Посланцы вернулись к королю и объявили ему о непреклонном решении Роландины. Когда король и королева убедились, что нет силы, которая заставила бы ее отречься от мужа, они отправили ее к отцу, и вид у нее был такой печальный, что, кого бы она ни встречала в пути, все плакали от жалости к ней. Будь она даже действительно виновна, наказание было так велико и она так стойко его переносила, что самый проступок ее стал в глазах людей добродетелью. Когда весть о поведении Роландины дошла до отца, он не пожелал видеть дочь и отправил ее в замок,³¹⁴ расположенный среди лесов; замок этот он построил незадолго до этого по особому случаю, который стоит того, чтобы о нем рассказать отдельно. Он посадил ее под стражу и долгое время держал там, обещав, что выпустит на свободу и снова признает своей дочерью, как только она откажется от мужа. Но Роландина была непоколебима; она готова была сносить тюремные узы, лишь бы не расторгать священных уз брака, и ее не прельщала никакая свобода, если ради этой свободы она должна была отречься от самого дорогого на свете. И глядя на нее, можно было подумать, что все страдания были для нее лишь приятным времяпрепровождением, ибо страдала она на того, кого любила.

Но чего стоят мужчины? Бастард, который, как вы видели, был ей многим обязан, уехал в Германию, где у него было немало друзей. Вел он себя там легкомысленно и этим только доказал, что алчность и тщеславие имели над ним больше власти, чем истинная любовь. Он влюбился там в какую-то даму – и столь сильно, что даже забывал писать той, которая ради него пошла на такие муки. Ибо, как ни жестока была к ним судьба, им все же удавалось писать друг другу, и мешало этому только безрассудное и вероломное увлечение, которое возымело над ним власть на чужбине. Роландина не могла об атом не догадаться. Видя, что письма его стали намного холоднее, чем были, и совсем не похожи на прежние, она заподозрила, что какая-то новая любовь стоит стеной

³¹⁴ Этот замок (Жослен) упоминается и в сороковой новелле книги.